УДК 903.2

К.В. Чугунов[1], Г. Парцингер[2], А. Наглер[2]
Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: ods@hermitag.ru
[2]Германский археологический институт, Берлин, Германия
Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung
Podbielskallee, 69-71, Berlin, D-14195, die BRD
E-mail: eurasien@dainst.de

ЭЛИТНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В ТУВЕ (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.)

Введение

Погребально-поминальный комплекс Аржан-2, в котором было исследовано публикуемое здесь погребение, находится на севере Республики Тыва в Уюкской котловине, известной у местных жителей как "долина царей". Здесь расположен один из крупнейших в регионе некрополей скифского времени. Среди множества курганов по внешнему виду выделяются четыре. Они представляют собой невысокие, но большие в диаметре каменные платформы (рис. 1). Один из этих курганов исследовался в 1971 – 1974 гг. М.П. Грязновым и М.Х. Манай-оолом.

Курган Аржан-2, диаметр наземного сооружения которого составляет 80 м, а высота 2 м, был выбран в качестве объекта исследования потому, что оказался сильно потревоженным – с него брали камень для строительных нужд в 1960 – 1970 гг. Археологические работы на памятнике начались в 1998 г. Тогда был составлен его подробный план, произведена геофизическая проспекция самого кургана и значительной площади вокруг него. В ходе этих работ удалось выявить более 200 ритуальных каменных кольцевых выкладок, примыкающих к памятнику. В 2000 г. исследовалась часть выкладок и проводились первые раскопки самого кургана. Эти работы позволили выбрать оптимальный методический подход к исследованию объекта.

За полевой сезон 2001 г., который продлился с мая до конца июля, была исследована четверть площади наземного сооружения в виде круглой постройки из каменных плит, перекрытой слоем глины и окруженной каменной оградой, а также облицованной вертикально уложенными каменными плитами (рис. 2). Многие детали, касающиеся этой сложной конструкции, еще предстоит выяснить. В процессе разборки кургана найдены многочисленные плиты с петроглифами, которые были принесены сюда вместе со строительным материалом из каменоломни, обнаруженной нами в 2 км от памятника. В ходе раскопок удалось установить, что курган сооружен на месте поселения эпохи бронзы (рис. 3). Его слой содержит много орнаментированной керамики, кости животных и другие следы жизнедеятельности (рис. 4). Этот важный хронологический пласт памятника требует отдельного изучения. Неожиданным и чрезвычайно значимым результатом работ 2001 г. является открытие в кургане непотревоженной могилы 5 – элитного захоронения эпохи ранних кочевников* (рис. 5).

Прямоугольная могильная яма размерами 5,5 × × 4,5 м и глубиной более 4 м была ориентирована длинной осью по линии СЗ – ЮВ. В ней находилась погребальная камера с двойными бревенчатыми стенами. Внешний сруб высотой около 1,4 м, сложенный в десять венцов из круглых бревен, был перекрыт накатом из 24 бревен по оси ЮЗ – СВ (рис. 6). Его внутренние размеры 3,3 × 3,6 м. В срубе распола-

* Публикация материалов остальных могил выходит за рамки настоящей статьи.

© К.В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер, 2002

Рис. 1. Курган Аржан-2. Вид с севера.

Рис. 2. Курган Аржан-2. Кольцевая каменная ограда.

Рис. 3. Остатки культурного слоя поселения эпохи бронзы под курганом Аржан-2.

гался шестивенцовый сруб, сложенный из более крупных бревен. Его внутреннее пространство имело размеры 2,6 × 2,4 м. Перекрытие внутреннего сруба из 11 бревен было уложено перпендикулярно верхнему накату и опиралось на выдвинутые внутрь камеры верхние венцы северо-западной и юго-восточной стенок (рис. 7). Пол камеры состоял из десяти досок, уложенных на бревна под северо-западной и юго-восточной стенками. При демонтаже внутренней погре-

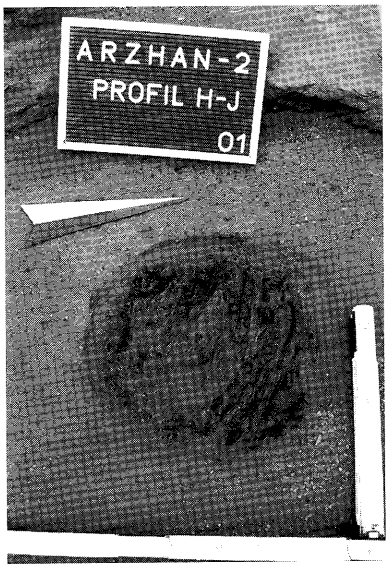


Рис. 4. Кострище поселения эпохи бронзы под курганом Аржан-2.

бальной камеры между северо-восточными стенками двух срубов обнаружено деревянное блюдо, стоявшее на ребре. Вся внутренняя поверхность погребальной камеры была тщательно отесана, при этом рубленные в обло углы оставлены закругленными (рис. 8). После совершения захоронения яму засыпали глиной до уровня погребенной почвы. С течением времени оба перекрытия просели вдоль юго-восточной стенки, верхний венец которой обломился в углах. Через образовавшиеся щели внутрь сруба просыпалось небольшое количество глины, но бóльшая часть камеры на момент исследования оказалась не заполненной грунтом.

В центре сруба находились останки мужчины (скелет 1) и женщины (скелет 2)*. Люди были погребены головами на СЗ на левом боку с согнутыми ногами, вытянутой вдоль туловища левой рукой и согнутой в локте правой. Черепа погребенных оказались перемещенными, вероятно, из-за разложения подушек, на которых они лежали (рис. 9, 10). Сохранность костей очень плохая, что, видимо, объясняется микроклиматом не заполненного землей захоронения и процессами разложения органики. Весь пол камеры был покрыт слоем влажной студенистой массы, толщина которого в ряде мест достигала 5 см. Кости, находившиеся в этой, видимо, очень агрессивной среде, не сохранились или прослеживались лишь в виде следов. Тем не менее сама камера и изделия из дерева были в хорошем состоянии, что позволило реконструировать некоторые детали внутреннего убранства могилы. По периметру стен на вертикально установленных жердях горизонтально крепились тонкие пал-

* Полевые антропологические наблюдения носят предварительный характер и будут уточнены специалистами.

ки, выполнявшие функцию, вероятно, каркаса для драпировки стен. Жерди, упиравшиеся основаниями в специальные пазы в досках пола, служили и для подвешивания некоторых атрибутов погребального инвентаря. На них на северо-восточной стене сруба висел парадный пояс с портупейными ремнями (рис. 11). К нему крепились чекан, плеть и богато украшенный горит с луком и стрелами внутри.

Железный чекан имел деревянную рукоять с железным втоком на конце. Металл подвергся сильной коррозии, но, несмотря на это, было видно, что все железные части оружия были инкрустированы золотом.

Украшенная кольцами из золотой фольги рукоять плети длиной около 40 см имела на концах массивные золотые навершия. Рядом с навершиями лежали золотые фигурные обоймы.

Горит имел деревянное ребро жесткости, обложенное золотым листом (рис. 12), и золотую донную часть каплевидной формы. Обе детали были декорированы крупным тисненым чешуйчатым узором. Кожаная основа горита не сохранилась, но его очертания реконструируются по многочисленным золотым бляшкам в виде фигурок кабанов. Бляшки нашиты парными рядами по контуру горита и центральной оси его лицевой части, а также на внутренней поверхности. Горит состоял из колчана, устье которого также декорировано золотыми бляшками, и, видимо, кожаного футляра для лука, крепившегося к тыльной стороне колчана. Судя по расположению бляшек, которые ранее составляли декор, футляр мог иметь и самостоятельное значение. Железные наконечники стрел, подвергшиеся сильной коррозии, превратились в спекшийся монолит (рис. 13). При его снятии выяснилось, что в колчане находились костяные пулевидные и, по меньшей мере, один бронзовый наконечники стрел. Некоторые железные наконечники были покрыты позолотой, на которой просматривался криволинейный узор. Древки стрел сохранились по всей длине, их верхний край расписан красной краской. Видимая из горита верхняя часть лука украшена узорными (кольцевидными, пламевидными и в виде оленьих рогов) пластинами из золотой фольги. На кибити зафиксированы литые золотые бляшки в виде хищника семейства кошачьих.

В западном углу камеры висела золотая пектораль, а также, возможно, кожаные сосуды, от которых сохранились только деревянные пробки. Вероятно, в сосудах хранились зерна, которыми на момент расчистки был засыпан весь угол*. Здесь же были найдены два каменных и один бронзовый сосуды. Не исключено присутствие еще одного сосуда – из рога,

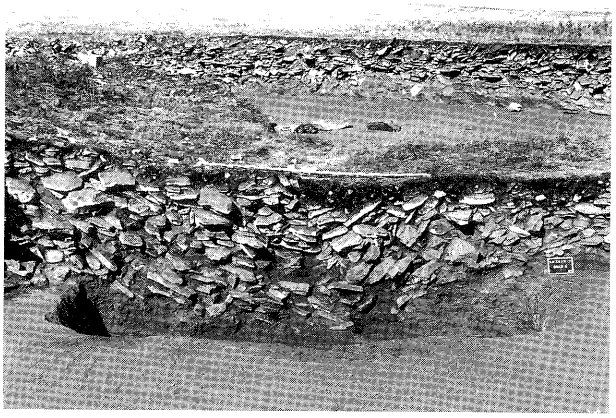


Рис. 5. Могила 5 на момент обнаружения. Курган Аржан-2.

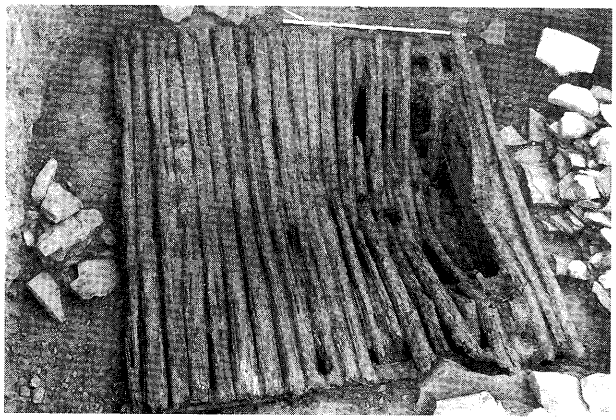


Рис. 6. Перекрытие внешнего сруба могилы 5. Курган Аржан-2.

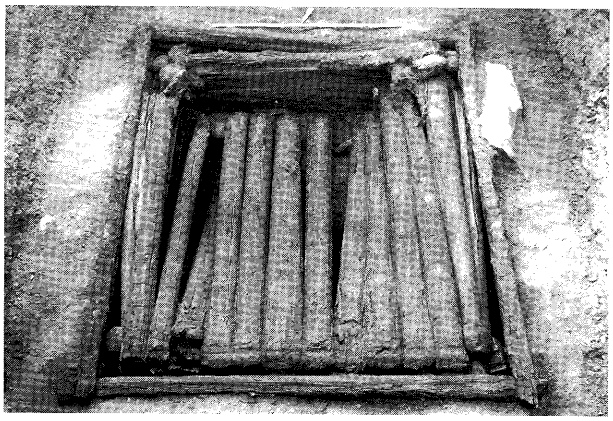


Рис. 7. Перекрытие внутреннего сруба могилы 5. Курган Аржан-2.

но от него сохранились лишь незначительные фрагменты*. Деревянный ковш с рукоятью, обернутой золотым тисненым листом, и составные гребни из дерева, обнаруженные рядом с ним, также могли висеть на северо-западной стенке камеры. Судя по зафикси-

* Подробнее об этом: Прил. на с. 124 – 126.

* Для окончательных выводов необходимо проведение специальных анализов найденных фрагментов.

Рис. 8. Угол погребальной камеры. На переднем плане горит со стрелами, лук, чекан, бронзовое зеркало. Курган Аржан-2.

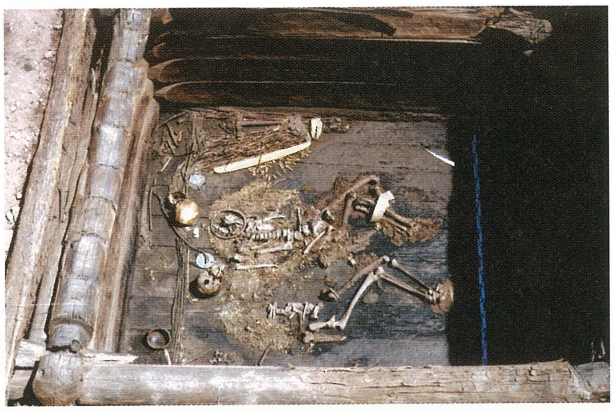


Рис. 9. Общий вид могилы 5. Курган Аржан-2.

Рис. 10. План могилы 5. Курган Аржан-2. Художник В. Ефремов.

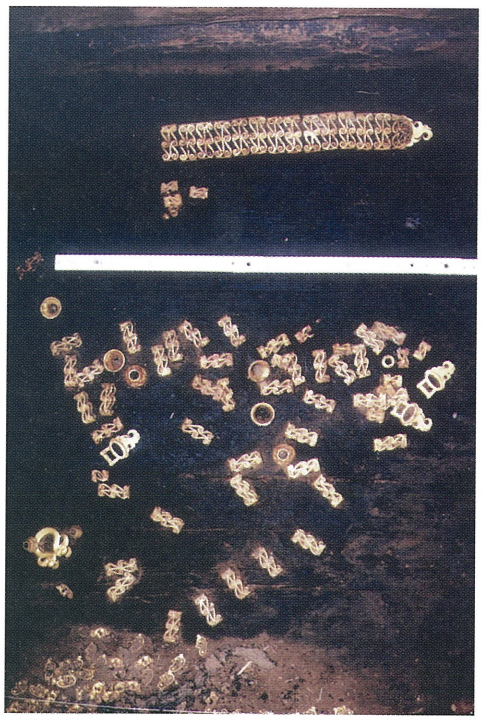


Рис. 11. Портупейные украшения. Курган Аржан-2, мог. 5.

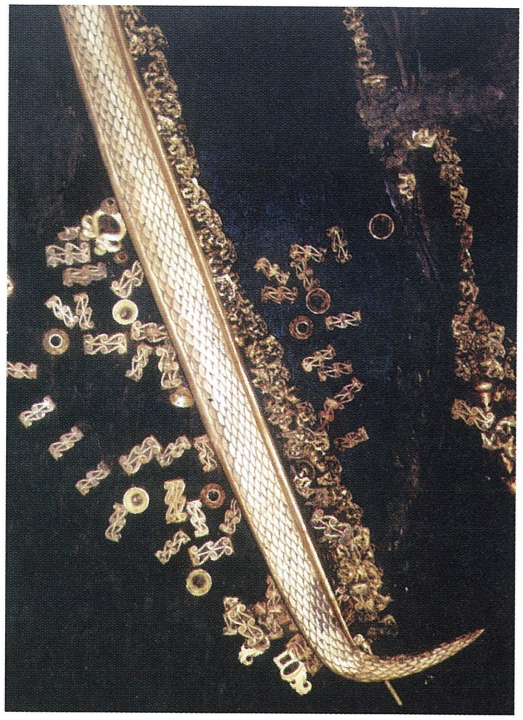


Рис. 12. Детали горита. Курган Аржан-2, мог. 5.

Рис. 13. Колчан со стрелами. Курган Аржан-2, мог. 5.

Рис. 14. Гривна, лежавшая на скелете 1. Курган Аржан-2, мог. 5.

Рис. 15. Фигурка лошади с мужского головного убора. Курган Аржан-2, мог. 5.

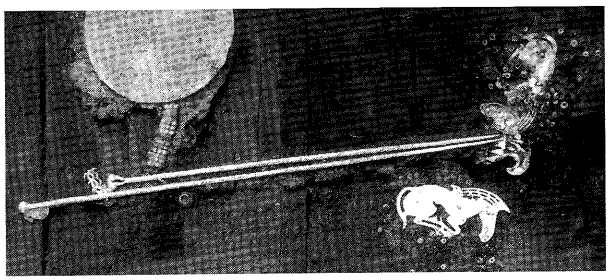


Рис. 16. Детали женского и мужского головных уборов. Курган Аржан-2, мог. 5.

рованным рядом с этими предметами золотым и серебряным ворворкам и обоймам, ранее здесь находились ремни. Таким образом, многие найденные в могиле предметы, вероятнее всего, висели на стенах погребальной камеры. Исключением могут являться бронзовые зеркала, лежавшие справа от черепов лицевой стороной вверх. Остальные находки – личные украшения погребенных, элементы декора их одежды, оружия, амулетов, предметы, которые крепились на костюмах и поясах.

Предметы, относящиеся к скелету 1

В области шейных позвонков мужского скелета лежала массивная литая золотая гривна (рис. 14). В центральной части она прямоугольная в сечении. На передней и верхней гранях ровными рядами напаяны миниатюрные фигурки хищников семейства кошачьих – четыре ряда по 22 фигурки на передней и два ряда по 22 фигурки на верхней. Опоясывающий шею круглый в сечении прут сплошь покрыт изображениями животных, композиционно расположенными по спирали.

Около первого шейного позвонка найдена золотая серьга с припаянным конусовидным колпачком, покрытым зернью. Через отверстия в основании колпачка пропущены низки бирюзовых* бусин, заканчивающиеся круглым щитком из золотого листа диаметром 1,5 см.

Под черепом компактно лежали остатки украшений головного убора – четыре крупные бляхи в виде фигурок лошадей с подогнутыми ногами (рис. 15, 16) и навершие в виде оленя, стоящего "на цыпочках". Украшения вырезаны из золотого листа; глаза, рот, ноздри, скулы и уши животных инкрустированы стекловидной массой. Среди блях находились золотые и бирюзовые бусы, а также одна литая бляшка в виде хищника семейства кошачьих, аналогичная по форме бляшкам, украшавшим костюм погребенного.

Остальные находки, не относящиеся к костюму, о котором будет сказано ниже, располагались в районе тазовых и бедренных костей. Под левым бедренным суставом и справа от левого крыла таза зафиксировано два скопления разнообразных бусин, которые были, вероятно, нашиты на какую-то сумку. Удалось проследить, в каком порядке первоначально находились отдельные фрагменты вышивки из каменных (бирюза и сердолик?), золотых и деревянных, обтянутых золотой фольгой бусин. Среди бусин найдены четыре золотых шаровидных изделия, покрытые зернью и инкрустированные эмалью (?). Судя по припаянным на них петелькам, это были подвески. Их нашили вместе с другими бусинами, для чего предварительно пробив в них сквозные отверстия.

За правым бедром погребенного лежал железный акинак в ножнах, от которых прослежены остатки деревянного каркаса. Сверху находился железный нож. Рукоять ножа, как и рукоять акинака, украшена позолотой. На окончание ножен надета золотая обойма с изображением сцены терзания барана двумя хищниками семейства кошачьих. Рядом лежала массивная фигурная золотая бляха. Еще одна такая же бляха, но с креплением в виде обоймы, находилась рядом с перекрестием акинака. Обе орнаментированы в зверином стиле. Ремни крепления ножен украшены золотыми обоймами, орнаментированными в зверином стиле. Аналогичная обойма обнаружена выше левого крыла таза. После удаления тазовых костей выяснилось, что обойма была надета на ремень, отходящий от оселка, который лежал под крестцом. Ремешок оформлен также четырьмя обоймами из золотой фольги. Плоский прямоугольный оселок изготовлен из мягкого светлого камня. Его порода пока не определена, но уже сейчас можно говорить о том, что она не имеет ничего общего с абразивными материалами.

Предметы, относящиеся к скелету 2

Женский головной убор, вероятно, сложный по конструкции, был изготовлен в основном из органических материалов. Его украшали бусы из зеленого камня, золотые бляхи в виде лежащей лошади, тисненая нашивная бляшка в виде хищника семейства кошачьих и ажурная нашивка, напоминающая своими очертаниями голову хищной птицы. За черепом лежали параллельно друг другу, остриями к скоплению блях две золотые булавки (см. рис. 16). Большая из них (длина 35 см) имеет полушаровидную головку и ажурный крыловидный выступ. Меньшая (длина 30 см) украшена головкой в виде стоящего оленя. Стержни булавок по всей длине, не включая острия, покрыты изображениями зверей. Вероятно, к головному убору относятся и найденные под северо-западной стенкой

* Здесь и далее все определения материала носят предварительный характер.

сруба тисненые обкладки из золотой фольги. Учитывая это, можно предположить, что головной убор был довольно высоким.

Ниже черепа найдены две золотые серьги в форме плоского несомкнутого кольца с припаянным к нему конусовидным колпачком, покрытым зернью и клювовидными эмалевыми вставками. В основаниях конусов, как и у серьги, зафиксированной рядом со скелетом 1, сделаны отверстия, через которые продевались низки таких же, как и на головном уборе, бусин. На кольце каждой серьги имеется золотая цилиндрическая муфта, украшенная зернью и эмалью. На эти муфты, вероятно, крепили низки бусин, во множестве найденные на костюме. На кольцо левой серьги были надеты цепочка из круглых проволочных звеньев и низка золотых пронизей- "пружинок", спускавшаяся до пояса. На костях левого запястья обнаружен браслет в виде золотой витой цепочки.

В районе пояса по обеим сторонам от позвоночника найдено пять золотых обойм с зигзагообразным орнаментом. Две из них орнаментированы с обеих сторон. Видимо, к ним крепились дополнительные ремни для подвешивания к поясу ножен. В ножнах, лежавших за правым крылом таза, были сильно корродированные железные и бронзовые предметы, которые были сняты монолитом. На данный момент можно предположить, что в них находятся также железный кинжал, нож и бронзовое шило. Портупейный ремень был украшен четырьмя золотыми обоймами с фигурками лежащего горного козла. Ремень оканчивался золотой фигурной пряжкой, оформленной изображениями животных. Такие же обойма и пряжка найдены у нижней части ножен.

С внешней стороны левого бедренного сустава зафиксированы пятно красной краски и кожаный мешочек – вероятно, остатки косметического набора. Ближе к коленному суставу расчищено скопление крупных и мелких каменных и золотых бусин. В нижней части скопления сконцентрированы крупные шарообразные и каплевидные подвески, являвшиеся, видимо, украшениями какой-то сумки. Здесь же найдена золотая модель котла, подвешивавшаяся за поддон при помощи золотой витой цепочки. Модель украшена изображениями баранов и хищника. Несмотря на близкое расположение к ножнам мужского скелета, по направлению, в котором вытянулась цепочка, можно сделать вывод о связи модели котла с женским погребением.

Костюмы погребенных

Материал, из которого была сшита одежда погребенных, не сохранился. Но, поскольку костюмы были богато декорированы золотыми бляшками и бисером, их можно попытаться реконструировать. Работа в этом направлении только начинается и пока можно лишь обозначить основные моменты.

Мужская куртка оформлена тесно нашитыми золотыми литыми бляшками в виде стоящих хищников семейства кошачьих. На обороте каждой бляшки припаяны по три кольцевых петли. Бляшки двух вариантов: в виде фигур, повернутых вправо и влево. Более 2,5 тыс. таких бляшек покрывали скелет в несколько слоев. Нижние слои зафиксированы на тазовых костях и крестце; кости рук покрыты бляшками до середины предплечья. На погребенном была, вероятно, короткая куртка, на которой бляшки образовывали сложный криволинейный узор. Такой узор удалось проследить на спинке куртки, здесь бляшки лежали in situ (рис. 17, 18). Умерший был одет в штаны, расшитые мелким (диаметр 1 мм) кольцевидным золотым бисером. Низки бисера были нашиты прямыми параллельными рядами сверху вниз; они зафиксированы на костях и под ними на участке от таза до стоп. На костях стоп зафиксировано скопление бисера несколько иной формы – в виде расплющенных золотых трубочек. Скорее всего, ими была расшита обувь погребенного. К обуви (очевидно, это были сапоги) относятся и две широкие пластины из листового золота, опоясывавшие берцовые кости ниже коленных суставов.

Женский костюм был украшен меньшим количеством золотых бляшек, также изображавших хищника семейства кошачьих, но повернутых только влево. Они, в отличие от литых бляшек на мужской куртке, были отштампованы из золотой пластины и крепились с помощью трех петелек на обороте. Бляшки составляли пламевидный узор, который занимал пространство до пояса. Куртка была расшита в основном на плечах, спине и по боковым швам. По расположению бляшек предварительно реконструируется высокий ворот. В районе грудной клетки среди бляшек найдены многочисленные бусины: золотые (мелкие кольцевидные и крупные, склепанные из двух половинок), бирюзовые и сердоликовые (цилиндрические), а также янтарные (крупные граненые). Вероятно, ранее здесь было большое количество стеклянных бус асимметрично-биконической формы, многие из которых рассыпались. Имеются бусины, материал которых определить пока трудно. В разных частях женского костюма зафиксированы лежавшие попарно крупные каплевидные подвески из золота, камней или янтаря. Ближе к поясной части группируется несколько скоплений из трех-четырех литых золотых биконических подвесок. На бедренных костях, выше колен и в районе стоп in situ зафиксированы компактные скопления узких продолговатых трубочек, расплющенных после пришивания, – остатки золотого бисера. Эти трубочки были нашиты вертикально вплотную друг к другу и образовывали горизон-

Рис. 17. Узор из золотых бляшек, нашитых на спинках мужской и женской курток. Курган Аржан-2, мог. 5.

Рис. 18. Деталь мужской куртки. Курган Аржан-2, мог. 5.

тальные ряды. На костях стоп найдены украшавшие обувь две золотые полоски, покрытые зернью с клювовидными вставками из стекловидной массы.

Головной убор погребенного в кургане Аржан-2 мужчины и высокий сложный парик женщины относятся к тем же типам аналогичных предметов из других регионов скифского мира, в частности, сохранившихся в "замерзших" курганах пазырыкской культуры Верх-Кальджин-2 (кург. 3) и Ак-Алаха-3 (кург. 1) на Алтае, раскопанных Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным [Полосьмак, 1994, с. 40, 43, рис. 34, 35, 38; 2001, с. 143 – 163, рис. 96 – 107, реконструкция III; Феномен..., 2000, с. 76 – 78, рис. 75 – 77; с. 104 – 105, рис. 125; с. 163 – 164, рис. 190].

При датировке мог. 5 кургана Аржан-2 неизбежно возникает ряд вопросов, затрудняющих однозначное соотнесение ее с известной культурой или этапом. Сложность заключается и в том, что подобный памятник исследуется в этом регионе впервые. Как известно, раскопанный М.П. Грязновым курган Аржан при внешнем сходстве по конструкции был совершенно иным, и хронологический разрыв между ним и курганом Аржан-2 совершенно очевиден. Кроме того, детальная картина погребального обряда в последнем станет более ясной только после полного комплексного исследования. Расположение могилы на периферии кургана и наличие под одним сооружением нескольких захоронений являются признаками алды-бельского обряда. Вместе с тем глубина ямы и размеры сруба свидетельствуют о близости к уюкско-саглынской традиции, хотя эти особенности, как, впрочем, и отличия от алды-бельского обряда, могут быть объяснены элитарностью погребения. Традиция подвешивать пояс с колчаном и горитом зафиксирована в уюкско-саглынских могильниках Догээ-Баары II, Чинге II, Саглы-Бажи II и ни разу не проявила себя в алды-бельских курганах [Чугунов, 1996а, с. 87 – 89]. Конструкция ножен, обнаруженных в мог. 5, раннескифская – с обоймами на конце и без дополнительных выступов в средней части для крепления к бедру [Кисель, 2000, с. 82 – 95]. В комплексе нет предметов, являющихся обязательными для рядовых погребений и всегда присутствующих в уюкско-саглынских памятниках, – портупейных обойм с прорезью для ремня и "колчанных крюков". Отсутствие в погребении керамической посуды – признак, характерный для алды-бельского обряда. Роговые сосуды известны в пазырыкских погребениях Алтая [Феномен..., 2000, с. 144 – 157].

Среди многочисленных животных, изображенных на предметах и костюмах, нет ни одного грифона или другого фантастического персонажа. Показаны только реальные копытные или хищники, что характерно для раннескифской традиции. На мужском головном уборе имеется навершие в виде оленя, стоящего "на цыпочках", – классический образец раннескифской традиции. На уборе были нашиты бляхи в виде лошадей с подогнутыми ногами. Изображать зверей в этой позе, как традиционно считается, было принято в более позднее время. Кабан и хищник запечатлены в "башадарско-пазырыкской" манере. В этом же стиле выполнены некоторые мотивы на пекторали, фигурки баранов и хищника (на модели котла), козерога. Манера, в которой выполненны массивные фигурные бляхи, найденные рядом с ножнами акинака около скелета 1, напоминает стиль "загадочных картинок", характерный для алды-бельской культуры [Грач, 1980, с. 78 – 80]. Крупная пряжка с протомами птиц, найденная рядом с горитом, также имеет аналоги среди предметов этой культуры. Подобные предметы, но с протомами верблюдов, известны по находкам из погр. 2 кург. 4 могильника Сыпучий Яр [Семенов, 2001, с. 167, рис. 3, 13, 14].

Гривна, обнаруженная у позвонков мужского скелета, по форме аналогична гривне (но без изображений животных) из сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, табл. XIV, *1*]. Подобная гривна найдена в Паттане (Пакистан), но, к сожалению, дошла до археологов в разрубленном на куски виде [Rahaman, 1990, p. 5 – 17, Pl. II – XV]. К. Йеттмар на основе сопоставления с сибирской находкой реконструировал пакистанскую гривну [Jettmar, 1991, p. 10 – 15, fig. 17, 18, 20 – 22]. Пакистанская гривна также имеет прямоугольное в сечении брусковидное утолщение и вся покрыта изображениями животных, напоминающими по стилю украшения на гривне из мог. 5. В отличие от тувинской пакистанская находка более крупная, имеет также изображения людей.

Наборный пояс находит прямые аналоги среди предметов алды-бельских комплексов Тувы. Аналогичные, но изготовленные из бронзы, обоймы найдены в погр. 1 кург. 1 могильника Демир-Суг II [Семенов, 2001, рис. 2 – 13]. На могильнике Сыпучий Яр прослежена колчанная перевязь, аналогичная найденной в комплексе Аржан-2. Оба памятника считаются одними из наиболее ранних среди алды-бельских могильников [Савинов, 1994, с. 84; Семенов, 2001, с. 170].

Круглые жертвенники из камня достаточно широко распространены в азиатской части скифского мира. Три образца известны и по находкам в Туве, но изготовлены они не так тщательно и имеют несколько иные пропорции [Марсадолов, 1998, с. 59, рис. 4 – 7; Bokovenko, 1994, fig. 3, *2*; Чугунов, 1996б, с. 73, рис. 2, *2*]. Аналоги каменному клювовидному сосуду известны по находкам из Приаралья, которые датируются не позднее середины VI в. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 87, табл. XXIV, *4*, *5*; Яблонский, 1996, с. 34, рис. 21, *9*; Итина, Яблонский, 1997, с. 42, рис. 22, *6*; 55, *10*; 65, *7*] и в Северном Казахстане [Хабдулина, 1994, с. 60, табл. 58, *3*].

Детали плети, напоминающие найденные в Аржане-2, обнаружены в курганах Уйгарака и Южного Тагискена [Вишневская, 1973, табл. VII, *19*, *20*; XIV, *12*; XIX, *10*, *11*; Итина, Яблонский, 1997, стр. 52, рис. 8, *10*].

Пектораль, зафиксированная в углу мог. 5 комплекса Аржан-2, является атрибутом женских погребений в поздних алды-бельских памятниках [Čugunov, 1998, Abb. 4, *8*; 7, *1*]. Но они известны и в ранних уюкско-саглынских комплексах: Куйлуг-Хем III, Хемчик-Бом IV, Догээ-Баары II [Грач, 1980, рис. 112, *7*; Чугунов, 1999, с. 39]. Серьги с припаянным конусовидным колпачком типичны и для алды-бельских памятников [Семенов, 1999, с. 165 – 169].

Важным культурно-хронологическим индикатором является оружие. Единичные железные предметы встречены в Туве уже в рядовых алды-бельских погребениях [Семенов, Килуновская, 1990, рис. 2, *33*; Iugunov, 1998, S. 290, Abb. 13, *1*]. Гораздо больше их в ранних уюкско-саглынских памятниках, где они часто украшены золотой насечкой [Семенов, 1994, с. 185 – 189]. В мог. 5 кургана Аржан-2 все оружие изготовлено из железа. Но поскольку металл сильно корродирован, судить о его форме до реставрации трудно, и мы считаем датировку комплекса по данным предметам преждевременной.

В погребении обнаружено всего более 9 тыс. предметов, взяты пробы грунта для палинологического анализа, органических остатков, сделаны спилы бревен перекрытий для дендрохронологических и радиоуглеродных исследований. Специалисты начинают работу с этими материалами. Находки поступили в реставрационные и научно-исследовательские лаборатории Государственного Эрмитажа. После окончания всех исследований и полного завершения работ на самом памятнике планируется издать монографию. В данной же статье мы хотели бы высказать только некоторые предварительные соображения по поводу этого выдающегося комплекса.

Заключение

Завершая предварительную публикацию материалов мог. 5 кургана Аржан-2, отметим ряд моментов:

комплекс является уникальным; впервые удалось исследовать in situ захоронение высшего социального слоя ранних кочевников региона и всей Сибири;

комплекс стоит в одном ряду с богатыми погребениями пазырыкской культуры.

В материалах памятника нашли отражение внешние связи с более западными областями скифского мира.

Список литературы

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). – М.: Наука, 1973. – 160 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: Рос. полит. энцикл., 1997. – 187 с.

Кисель В.А. "...Он привязал к бедру кинжал...": К вопросу о некоторых способах ношения клинкового оружия // Археол. вестн. ИИМК РАН. – 2000. – № 7. – С. 82 – 95.

Марсодолов Л.С. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // АСГЭ. – 1998. – № 8. – С. 49 – 60.

Полосьмак Н.В. "Стерегущие золото грифы". – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 52 с. – (САИ; Вып. Д 3-9).

Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени "на перекрестке" культурных традиций // Культурные трансляции и исторический процесс. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – С. 76 – 92.

Семенов В.А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей I в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 184 – 192.

Семенов В.А. Синхронизация и хронология памятников алдыбельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 165 – 169.

Семенов В.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 167 – 172.

Семенов В.А., Килуновская М.Е. Новые памятники железного века в Туве // Информ. бюл. МАИКЦА. – 1990. – № 17. – С. 36 – 47.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 320 с.

Чугунов К.В. Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Тез. конф. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1996а. – С. 86 – 89.

Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж; Проект "Скифо-Сибирика", 1996б. – С. 69 – 80.

Чугунов К.В. Некоторые итоги исследования могильника Догээ-Баары II // Круг знания. – Кызыл: Республиканская библиотека им. А.С. Пушкина, 1999. – Вып. 2. – С. 33 – 46.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. – Москва: ИА РАН, 1996. – 185 с.

Bokovenko N.A. Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaelogical discoveries in asiatic Russia and Central Asia. – SPb.: IIMK RAN, 1994. – P. 48 – 53.

Čugunov K.V. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva // Eurasia Antiqua. – 1998. – N 4. – S. 273 – 308.

Jettmar K. The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // South Asian Studies. – 1991. – N 7. – P. 1 – 20.

Rahaman S. Unique find of Gold Ornaments from Pattan (Kohistan) // Journal of Central Asia. – 1990. – Vol. 13, N 1

Приложение

Е.А. Королюк[1], И.А. Артемов[2]

[1]Лаборатория терпеновых соединений
Института органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 9, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: koroljuk@nioch.nsc.ru
[2]Лаборатория Гербарий Центрального сибирского ботанического сада СО РАН
ул. Золотодолинская, 101, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: root@botgard.nsk.su

Растительные остатки в захоронении Аржан-2 (Тува)

В 2001 г. на территории Тувы в кургане скифского времени в погребальной камере кроме предметов материальной культуры были найдены растительные остатки, сохранность которых позволяет идентифицировать образцы* по крайней мере до рода. Определение растений, использованных в погребальном обряде, дает дополнительную информацию, касающуюся, в частности, характера культурных связей и миграций древнего населения Тувы в скифское время.

Обнаруженные в одном из углов погребальной камеры растительные остатки с определенной долей уверенности можно рассматривать как мерикарпии (плодики) тмина (*Carum sp.*), косточки или плоды вишни (*Cerasus sp.*) и экзокарпии (наружные оболочки плодов) лоха (*Eleagnus sp.*) (см. *рисунок*).

Тмин – *Carum sp.* (семейство *Apiaceae* – Зонтичные).

Мерикарпии тмина однородны, черного цвета, хорошей сохранности и надежно идентифицируются.

Представители рода широко распространены в Азии и Европе [Шишкин, 1950; Пименов, 1996]. Это

---

* Образцы растительных остатков для определения были любезно предоставлены К.В. Чугуновым.

двулетние травянистые растения. В Туве произрастает два близких вида [Красноборов, 1982], из которых *C. carvi* L. – обычное растение лугов, прибрежных и нарушенных местообитаний.

Плоды тмина издавна применяются в качестве пряности.

Вишня – *Cerasus sp.* (семейство *Rosaceae* – Розоцветные).

Форма и размер косточек вишни в захоронении практически не изменились, а цвет стал темно-коричневым. На некоторых косточках можно различить высохшие остатки мягких частей околоплодника. Скорее всего, в могилу были положены не чистые косточки, а сушеные плоды. В некоторых косточках сохранилось сильно высохшее семя.

Географически вишни распространены широко, разные виды произрастают в Восточной, Средней и Передней Азии, на Кавказе, в Европе и Северной Америке [Жуковский, 1971]. Интересно, что в дикорастущем виде в горах на юге Сибири, в т.ч. в Туве, а также в Монголии, вишня не встречается [Курбатский, 1988; Губанов, 1996]. Ближе всего к Туве расположен ареал вишни кустарниковой (*Cerasus fruticosa* Pall.), которая произрастает в Сибири на юге Курганской, Омской и Тобольской областей, а также в Северном Казахстане (Иртышский флористический район) [Голоскоков, 1961]. Вишня кустарниковая – это невысокий кустарник, встречающийся по опушкам лесов, в разреженных мелколиственных лесах в качестве подлеска.

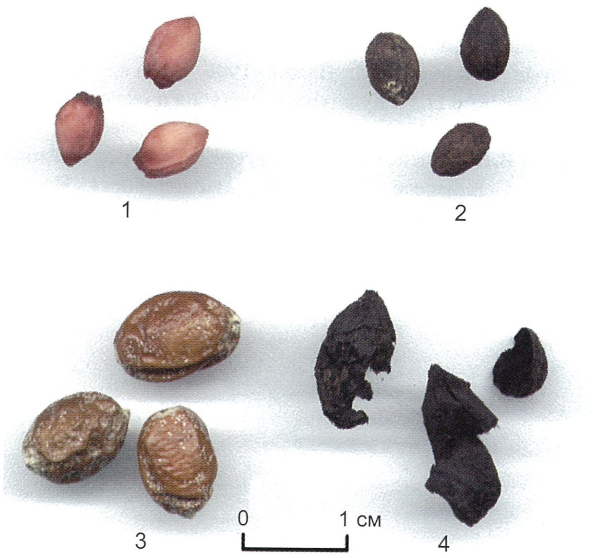
Вишня издавна культивируется. Плоды вишни съедобны; находит применение камедь, или "вишневый клей"; кора использовалась как дубитель.

Лох (игд, жигд, жигда) – *Elaeagnus sp.* (семейство *Elaeagnaceae* – Лоховые).

При идентификации растительных остатков, обнаруженных в захоронении, сложнее всего было определить экзокарпии лоха, потому что, с одной стороны, мы недостаточно хорошо знакомы со среднеазиатской флорой, с другой стороны, они сохранились гораздо хуже, чем косточки вишни или мерикарпии тмина.

Растительные остатки, определенные как экзокарпи лоха, – очень хрупкие кожистые оболочки черного цвета. Для плодов лоха характерно наличие эллиптической сравнительно крупной косточки с мощным эндокарпием. Однако имеющиеся в нашем распоряжении образцы были лишены косточки, что, по-видимому, обусловлено деятельностью насекомых (на экзокарпиях отчетливо видны мелкие округлые отверстия).

Представители рода распространены преимущественно в умеренных широтах Азии и Средиземноморья. В горах на юге Сибири, в т.ч. в Туве, виды лоха



Косточки вишни степной (*1*), косточки вишни из захоронения (*2*), плоды лоха восточного (*3*), остатки плодов лоха из захоронения (*4*).

не произрастают, но они отмечены на прилегающих территориях равнинного Алтая [Зуев, 1996] и Казахстана [Голоскоков, 1963], а также Южной Монголии [Губанов, 1996]. Представители рода – это невысокие деревья и кустарники, обычные в поймах рек. П.М. Жуковский [1971] указывает на древность культуры лоха в Средней Азии. Сухие, с большим содержанием сахара плоды лоха прекрасно хранятся и удобны при транспортировке. В эпоху караванных сообщений они использовались в Средней и Центральной Азии в качестве важного путевого продовольствия, сравнимого по своему значению с финиками в Аравии и Северной Африке. Из плодов лоха готовили также алкогольный напиток.

Обнаружение в захоронении остатков растений, не произрастающих сегодня и, скорее всего, не произраставших в историческое время на территории Тувы, но обычных в Средней Азии, с достаточной определенностью указывает на западное направление культурных контактов населения Тувы в скифское время.

Авторы выражают благодарность за консультации и рекомендации д-ру биол. наук, проф. А.Н. Куприянову и д-ру ист. наук Н.В. Полосьмак.

Список литературы

Голоскоков В.П. Вишня – Cerasus Juss. // Флора Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – Т. 4. – С. 510 – 516.

Голоскоков В.П. Лох – Elaeagnus L. // Флора Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – Т. 6. – С. 223 – 225.

Губанов И.А. Конспект флоры Внешней Монголии (сосудистые растения). – М.: Валанг, 1996. – 136 с.

Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. – Л.: Колос, 1971. – 751 с.

Зуев В.В. Семейство Elaeagnaceae – Лоховые // Флора Сибири: Geraniaceae – Cornaceae. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 10. – С. 103 – 104.

Красноборов И.М. Семейство Apiaceae – Зонтичные // Определитель растений Тувинской АССР. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 164 – 174.

Курбатский В.И. Cerasus Miller – Вишня // Флора Сибири: Rosaceae. – Новосибирск: Наука, 1988. – Т. 8. – С. 129 – 130.

Пименов М.М. Семейство Apiaceae, или Umbelliferae, – Сельдерейные, или Зонтичные // Флора Сибири: Geraniaceae – Cornaceae. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 10. – С. 123 – 194.

Шишкин Б.К. Тмин – Carum L. // Флора СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 16. – С. 385 – 396.

Материал поступил в редколлегию 24.01.02 г.